

Автор - Геннадий Акимов, Курск (Россия).

РОДНЯ И ДРУГИЕ

Потоп

Под нос мурлыча "Травиату" -
всё тра-ля-ля да тру-ля-ля -
летит безумный авиатор
на этажерке без руля.

Летит усатый дух изгнания,
на нём кожанка, в нём беда,
к вершине метит мироздания.
Почто несёт его туда,

зачем распахивает двери
в непроницаемую высь?
Он приземляться не намерен,
ему и в небе хорошо.

Он хочет птицей белокрылой
парить, разбиться после чтоб.
Ну нет, я лучше буду рыбой
встречать предсказанный потоп.

Родня

Мой двоюродный прадед, Абрам-Ибрагим Обломов,
падал во сне с дивана, прозревая великую даль,
каждый день собирал себя заново из обломков:
терракота, золото, горный хрусталь.

А троюродный батюшка был вхож в элитные клубы,
легендарный охотник и воин, даром что гей,
он любил надувать для важности африканские губы,
разводил племенных русалок и гоночных лошадей.

У меня глаза узковаты, а так - европеец,
в телескоп наблюдаю хрустальные и золотые миры,
правда, в кровь примешался жгучий чилийский перец,
полушария в голове воют - поди примири.

Завтра ко мне приезжает внучатый племянник,
беженец из подводной немоязычной страны.
Опасаясь - вдруг радикал, а не то карманник,
но ведь родичу не откажешь, с другой стороны,

да и мне на чужбине сыскалась когда-то невеста -
непривычно одета, смугла и в кости тонка;
разве важно, что мы из различного теста,
если всех лепила одна и та же рука.

Неприкаянный

Сын побед или бедствия признак -
со двора, о полночной поре,
в дом входил неприкаянный призрак,
выжигая следы на ковре.

Погружался из мертвенной стужи
в запах свежести, вдовий уют.
Вся война оставалась снаружи,
где часы похоронные бьют.

На диван залюбившись бессильно,
будто тающий дым сигарет,
он смотрел черно-белые фильмы
или слушал эстрадный квартет,

был опять как бы вместе со всеми,
а не льдинкой в чужих небесах.
Растворяло прошедшее время
пелену на прозрачных глазах.

И дрожал огонёк непокорно,
в толще мглы выгрызая пробой, -
бестелесный расплывчатый контур
вновь пытался наполнить собой...

